

БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Е.Ю. Сафронова¹

Алтайский государственный университет

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО ЖИЗНТЕКСТА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ДЕЛО С П.А. КАРЕПИНЫМ

В статье рассматривается биографема дела с П.А. Карепиным о разделе имущества в связи с проблемой правового житнетекста Ф.М. Достоевского. Эта семиотически важная бытовая ситуация является парадигмой личностного развития и продуктивной поведенческой моделью автора и его героев.

Ключевые слова: Достоевский Ф.М., семиотика бытового поведения, текст поведения, биографический текст, житнетекст, биографема.

E. Yu. Safronova

Altai State University

PROBLEM OF F. M. DOSTOYEVSKY'S LAW TEXT: P.A. KAREPIN'S CASE

The article considers the problem of a law text of F. M. Dostoyevsky on the example of a business biographeme with P. A. Karepin about the partition of a manor. This semiotically important domestic situation is a paradigm of personal development and productive behavioural model of the author and his heroes.

Key words: Dostoyevsky F. M., semiotics of household behavior, text of behavior, biographic text, biographeme.

В последние годы в литературоведении произошел антропологический «поворот» в изучении биографии. Общим местом

¹ Елена Юрьевна Сафронова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета, член Международного общества Достоевского (International Dostoevsky society), email: esafr@mail.ru

стало понимание, что биографические факты преломляются на разных этапах работы над текстом и уровнях поэтики произведения: от замысла и художественной идеи до воплощения в первом случае; от отдельных мотивов, образов персонажей, нарративных структур и стиля – во втором [Лотман, 2002, с. 247].

«Актуальный в современном литературоведении семиотический метод исследования предполагает рассмотрение биографических фактов, личности писателя и художественного наследия как единого текста (Ю.М. Лотман, И. Паперно и др.). При таком подходе любые человеческие действия приобретают знаковый характер и в своем взаимодействии получают новые символические значения; события частной жизни рассматриваются как факты культуры, приобретающие статус модели поведения» [Сафронова, 2013а, с. 29-30]. В бытовом поведении как «тексте культуры» Ю.М. Лотман выделяет низшие единицы – жест и поступок, которые, как правило, получают свою семантику не изолированно, а в отнесении к категориям более высокого уровня: амплуа, стиля, жанра и сюжета поведения [Лотман, 2002, с. 247].

В связи с этим представляется удачным использование Е.А. Самоделовой и Т.А. Алпатовой термина *жизнетекст*. Проблема *жизнетекста* предполагает рассмотрение поэтики поведения как некоего высказывания, строение которого укладывается в универсальную модель коммуникации Р.О. Якобсона и включает «помимо адресанта, адресата и самого “текста” передаваемого сообщения еще и “код” его структурно организующий, и контекст» коммуникации [Алпатова, 2013, с. 7].

Подобные идеи далеко не новы. Еще Г.О. Винокур в монографии «Биография и культура» обозначил проблему изучения литературного творчества в контексте культуры (в широком понимании)¹. М. Эпштейн называл биографию жанром литературы и

¹ Аналогичные размышления встречаются и у В.В. Виноградова. Он отмечал, что «жизненные впечатления входят и не могут не войти в сознание писателя. Они материал и образец, основа для его «realizm o immediate»» [Виноградов, 1959, с. 32]. В. Хализев указывает, что «деятельность писателя, которая «опредмечивает» в произведении свое сознание, естественно стимулируется и направляется его биографическим опытом и жизненным поведением» [Хализев, 2002, с. 81]. Ему вторит А.А. Марданов, считая, что автор «цитирует свой опыт», формируя определенный диапазон тем творчества: «элементы произведения в большей степени опосредованы

«жанром самой культуры» [Эпштейн, 1989, с. 380]. Е.К. Созина предлагает «ввести личную биографию писателя наравне с литературой в состав культурного семиозиса» [Созина, 2001, с. 39]. В.И. Габдуллина рассматривает «биографию и творчество Ф.М. Достоевского как единый текст», организованный посредством системы кодов и сквозных мотивов [Габдуллина, 2008, с. 66]. Развивая идеи названных ученых, необходимо определить принципы выделения из бытового континуума жизни писателя семиотически важных для культурного семиозиса ситуаций и поступков, т.е. найти *мельчайшую единицу житнетекста*. Кроме того, предстоит описать механизмы и способы трансформации этих мельчайших единиц в нарративные структуры. Р. Барт в качестве такой мельчайшей единицы предложил термин «биографема»¹, но не дал его определения. На наш взгляд, *биографема* – мельчайшая единица житнетекста, имеющая значение для формирования мировоззренческих и эстетических взглядов писателя. Это ключевая особенность житнетекста, которая должна быть включена в коммуникативное поле читателя для более глубокого и осмысленного понимания творчества автора. Важно заметить, что изучение авторского житнетекста требует не просто антропологического «поворота» в литературоведении, но и его интеграции с лингвистикой, историей, культурологией, семиотикой, теорией дискурса и другими гуманитарными дисциплинами для создания *антропологической филологии*. Для целей юрислитературоведения² мы предлагаем выделять и специальную единицу – правовую биографему – элемент житнетекста, который

личностью реального автора, его опытом и индивидуальным характеристиками, нежели контекстом и литературной традицией. Они не возникают в произведении самостоятельно из культурного наследия человечества, минуя субъективность биографического автора [Марданов, 2013, с. 5-6].

¹ Р. Барт с большой долей иронии пишет о своих идеях написания книг в будущем: «"Жизнь замечательных людей в одной книге» (прочешь много биографий и выбрать из них факты – биографемы, как это было сделано в отношении Сада и Фурье)» [Барт, 2002, с. 124]. Биографема здесь – инвариант построения биографии выдающегося человека. В другом месте Р. Барт новый термин ставит в один ряд с одноструктурными: «фонемами», «вестемами», «эротемами».

² Научная дисциплина на стыке литературоведения и юриспруденции.

является определяющим для формирования авторского правового дискурса.

Предпосылкой семиотического подхода к биографии Ф.М. Достоевского можно считать замечание Д.С. Лихачева о том, что писатель «создавал не только биографических рассказчиков и хроникеров своих произведений, но и “творил” самого себя» [Лихачев, 1974, с. 6]. Это заключение исследователя подтверждает высказывание самого Достоевского в «Петербургской летописи»: «...жизнь – целое искусство», «жить – значит сделать художественное произведение из самого себя» [Достоевский, т. 18; с. 13)]¹ и возвращение к этой мысли в романе «Подросток»: «жизнь есть тоже художественное произведение» (т. 9; с. 256). Постоянство этой идеи как в раннем, так и в зрелом творчестве говорит о том, что автор остро ощущал необходимость выбора стратегии бытового поведения, и для него формы обычной, каждодневной жизни «были сознательно ориентированы на нормы и законы художественных текстов и переживались непосредственно эстетически» [Лотман, 2002, с. 233]. Многие из биографов и исследователей творчества Достоевского (А.С. Долинин, С.В. Белов, И.Л. Волгин, Г.Б. Пономарева и др.) отмечают, что его личность не вписывается в традиционно узкие рамки биографической хроники, поскольку процессы самопознания и творчества нередко смыкаются между собой: то жизнь писателя пребывает в пространстве художественного текста через идентификацию с героем, то текст программирует события жизни.

Одним из источников правового дискурса и одной из первых правовых биографем Достоевского является дело с П.А. Карепиным. Суть дела составлял эпистолярный спор о наследстве (деревни Даровое и Черемошня Тульской губернии Каширского уезда).

Имение Даровое было приобретено родителями Достоевского в 1831 г. Усадьба состояла из 260 десятин земли, куда входили сенные покосы, пахотная земля, лес, липовая роща, сад и сельцо, состоящее из 20 дворов, из которых 11 принадлежало помещикам. В 1833 г. было куплено соседнее имение Черемошня, которая граничила с Даровым, и Достоевские стали владельцами 500 десятин земли и 100 душ крепостных крестьян [Даровое, электр. ресурс,

¹ Текст произведений и писем цитируется по изданию: Достоевский Ф.М. Полн. собр. сочинений: В 30 т. – Ленинград: Наука, 1972-1990. Далее после цитаты указывается номер тома и страницы в круглых скобках.

http://www.md.spb.ru/dostoevsky/other_museums/Darovoe/?more]. После смерти М.А. Достоевского имение перешло к детям и находилось в опеке до 1852 г. [Подьяпольский, электронный ресурс, http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/podyapol_iz_istorii.pdf].

Опекуном стал муж сестры Варвары Петр Андреевич Карепин (1796-1850), занимавший выгодное место правителя канцелярии московского военного генерал-губернатора при князе Д.В. Голицине. Кроме того, по воспоминаниям Андрея Михайловича Достоевского, он также был секретарем дамского попечительного комитета о тюрьмах, секретарем в попечительном комитете о просящих милостыню. Но главнейшей была его частная служба – «он был главноуправляющим над всеми имениями, кажется, князей Голицыных» [Достоевский, 1992, с. 107]. Следовательно, Карепин был богат и пользовался уважением в Москве.

Чтобы расплатиться с долгами, выйти в отставку и всецело посвятить себя литературе, Достоевский просит мужа своей сестры Варвары и опекуна младших братьев и сестер П.А. Карепина в обмен на право наследования доли отцовского имения выплатить ему 1000 рублей серебром (из которых 500 – одновременно и остальные частями по 10 рублей в месяц). Но раздел имения мог осуществиться лишь по достижении совершеннолетия сонаследников.

К сожалению, сохранились не все письма, относящиеся к переписке Ф.М. Достоевского с П.А. Карепиным по поводу выдела части причитающегося ему наследства деньгами, но даже имеющаяся переписка (4 письма за 1844 г. и письма старшему брату) позволяет проследить динамику отношений в этом эпистолярном «поединке». Относя постоянные на протяжении трех лет (1841-1844) просьбы Ф.М. Достоевского о разделе имения к «юношеской фантазии» и желанию «спустить с рук отцовское добро»¹, П.А. Карепин не отвечает на его письма, игнорирует просьбы. Молчание опекуна расценивается Достоевским как личное оскорбление, несоблюдение «кодекса учтивости»: «Мне не хотели отвечать, меня мучили, меня унижали, надо мной насмеялись» (т. 28-1; с. 93). В ответ Достоевский совершает неожиданный поступок – подает в отставку, о чем сообщает

¹ Как замечает В.И. Габдуллина, «история “бунта” молодого Достоевского против опеки родственников <...> проецируется на известный эпизод евангельской притчи о блудном сыне», при том, что функции отца берет на себя опекун П.А. Карепин [Габдуллина, 2005, с. 17-18].

в письме от 20 чисел августа 1844 г., называя причиной такого переворота в судьбе «критическое положение насчет денег» (28-1; с. 92), «я вышел в отставку единственно с целью уплаты долгов известным образом – разделом имения» (т. 28-1; с. 96). Тем самым он косвенно обвиняет в сложившейся ситуации опекуна, говоря о «естественной невозможности получить откуда-нибудь помощь»: при живых родственниках «человек может сгнить и пропасть, как пропавшая собака», а родственники ему не только не помогут, «но даже и то, что по праву бы следовало погибающему, стараются отдалить всеми силами» (т. 28-1; с. 92). Достоевский подчеркивает, что предлагаемое им «дело должно было быть сделано законно и следовательно опасаться было нечего» (т. 28-1; с. 93). Требуемую сумму, по существу, можно считать действительно заниженной: писатель продавал капитал за годовой доход, осознавая, что это «немного» («никого не обижаю») (т. 28-1; с. 100). По расчетам управляющего две деревни приносили доходу в год около 4000 серебром в год, соответственно имение давало примерно 700-1000 рублей в год на брата.

Достоевский предлагает свой «проект о выдележе, сделке, контракте, уступке или как там угодно» (т. 28-1; с. 93). Стараясь придать законный характер своему плану, Достоевский его умело аргументирует: «с первого взгляда вещь не может быть допущена по закону, но допускают *обязательства выплачивания долгов доходами, дарственные на получение не имения, но только доходов*» (курсив Достоевского. – Е.С.) (т. 28-1; с. 93).

Письмо к зятю имеет вид не просьбы, но требования, отличается большой эмоциональностью, импульсивностью, свойственной истероидному типу поведения: «Меня не остановит малость предлагаемой суммы. Что же делать? Деньги нужны. Я пропащим человеком быть не хочу. Нужно устроиться. Теперь я свободен, и меня не остановит ничто» (т. 28-1; с. 93).

Стремление получить разом весь капитал и вложить его в дело, жизненная позиция по принципу «все или ничего», юношеский максимализм роднит начинающего автора с Родионом Раскольниковым и Аркадием Долгоруким. Так, в романе «Преступление и наказание» есть эпизод разговора будущего убийцы с Настасьей, в образе которой заключена народная мудрость:

- За детей медью платят. Что на копейки сделаешь? – продолжал он с неохотой, как бы отвечая собственным мыслям.
- А тебе бы сразу весь капитал? Он странно посмотрел на нее.

– Да, весь капитал, – твердо отвечал он помолчав (т. 6; с. 27).

В трансформированном виде это же стремление автора отразится в романе «Подросток», герой которого одержим «Ротшильдской идеей».

Истоцив все средства убеждения, адресант прибегает к угрозам: в случае отказа выделить долю наследства деньгами он вынужден будет воспользоваться правом собственности и продать участок «лицу постороннему, что будет довольно плохо для всех» (т. 28-1; с. 93), или уплата долгов разделом имущества произойдет «законно», в судебно-полицейском порядке, если он окажется в долговой тюрьме.

В этом письме Достоевский пытается манипулировать собеседником, указывая на трехлетний срок просьбы («Я уже бог знает сколько времени вымаливаю», с. 92), приближает срок выхода в отставку, грозит юридической защитой своих прав наследника. По его словам, полное пренебрежение зятя к его естественным потребностям в платье, жилье и пище заставило прибегнуть к крайним мерам: «терпение кончилось и остается употребить все средства, данные мне законами и природою, чтобы меня услышали» (курсив наш – Е.С.) (т. 28-1; с. 93). Ради справедливости отметим, что это не совсем так – А.П. Карепин регулярно высылал деньги, но начинающий автор не умел быть экономным. Так, в письме от конца декабря 1843 г. Достоевский, получив от опекуна 500 рублей ассигнациями, благодарит за них и тут же просит еще 150, чтобы «обстоятельства надолго бы упрочились» (т. 28-1; с. 82). Об ситуации своего «всегдашнего долга» он пишет и старшему брату: «имея долги в доме, я опять с 200 рублей сереб<ром> долгу» (т. 28-1; с. 83).

Написав резкое и гневное письмо, Ф.М. Достоевский завел ситуацию в тупик, и для движения сюжета потребовались смена ампулы и введение в действие нового лица и временной промежуток в 2 недели, чтобы эмоции с обеих сторон поутихли.

В следующем письме от 7 сентября 1844 г. несколько меняется тактика ведения переговоров. Во-первых, Достоевский привлекает в качестве посредника старшего брата Михаила – второго опекуна, лично заинтересованного в справедливом распределении наследства, тем самым перекадывая на него ответственность (будет «сам отвечать», «сам из своей части полатится», т. 28-1; с. 94). Во-вторых, уверившись в невозможности законного раздела имущества, Федор с подачи Михаила предлагает осуществить *семейный раздел*, желая вывести «дело» из сферы действия официальной юстиции (наследственного права) и разрешить его частным образом. В-третьих,

это письмо отличается почтительным тоном, наличием комплиментов опекуну («ум, благородство и сочувствие», «участие в семейных делах наших», «согласие и решение дела находится теперь в Ваших руках», т. 29-1, с. 95) и риторических приемов: опровержение возможных контраргументов противника, градация, рефрены, синтаксический параллелизм. В этом письме автор менее категоричен, пытаясь подстроиться, угодить адресату, даже признает, что «отставка была следствием горячности» (т. 28-1; с. 96), и дает ложные обещания при получении наследства вернуться на службу. Однако, несмотря на соблюдение правил этикета, финал письма все же содержит угрозу: «лучше сгнию в тюрьме, чем вступлю в службу, прежде окончания и устройства дел моих» (т. 28-1; с. 96).

В ответном письме П.А. Карепин продолжает следовать амплу законопослушного гражданина, отвергающего сомнительные в юридическом отношении «проекты», стремясь образумить деверя ради его пользы и сострадания к грезам заблуждающейся юности. Он замечает: «длинным процессом <...> возможно было получить <...> разрешение на выдел Вам части деньгами» (т. 28-1; с. 421), но существуют другие препятствия – частный долг г-ну Маркусу, отсутствие денег. Опекун отправляет Достоевскому 50 рублей с приложением суммы, выплаченной за два года, и справедливым заключением: «Вам перепослано больше других». Карепин также делает вывод, что «сын слишком мало дорожит трудами и заботами родителей» и по размеру расходов выделенной суммы едва ли хватит на год. Поэтому призывает родственника оставить литературные мечтания и вернуться на службу и предпринимает решительные меры, чтобы повредить намерениям шурина (письмо к его превосходительству И.Г. Кривошипину).

В ответ на наставительное письмо рационального и практичного опекуна Достоевский совершает «литературный» жест – с юношеской горячностью пишет в остром памфлетном стиле (письмо от 19 сентября 1844 г.). Не поблагодарив за присланные 50 рублей, он категорически отрицает существование юридических затруднений и называет «самым частным делом выдать 500 рублей разом». Начинаящий писатель резко осуждает Карепина за советы и наставления, «которые приличны только отцу» (т. 28-1; с. 98), упреки в сребролюбии и неуважении к родительской памяти: «разоряя родительских мужиков, не значит помнить их», «я чту память моих родителей не меньше, чем Вы Ваших» (т. 28-1; с. 97). Он обрывает опекуна: «Но все это не Ваше дело. <...> Вы на себя берете такой труд,

об котором никто не просил Вас и не давал Вам права» (т. 28-1; с. 97). Оскорбленный поведением родственника, в состоянии аффекта Достоевский высказывает свои сокровенные мысли: «Но послушайте, кто же может остановить законную волю человека, имеющего те же самые права, как и Вы...» (т. 28-1; с. 98), утверждая первичность естественных, данных от рождения прав по отношению к юридическим законам. По его мнению, уважение к достоинству, «воле человека» должно быть независимо от материального положения и социального статуса. Эта мысль отчетливо выражена в следующей фразе: «Если же Вы считаете пошлым и низким трактовать со мною о чем бы то ни было, разумеется уж в тех мыслях, что он – де мальчишка и недавно надел эполеты, то все-таки Вам не следовало бы так наивно выразить свое превосходство заносчивым унижением меня» (т. 28-1; с. 97-98). Будущий писатель возмущен «дирижированием его неопытной и заблуждающейся юностью», поднимает проблему узурпации власти. Приведенные цитаты «роднят» молодого Достоевского с его будущими героями-бунтарями (Парадоксалист, Раскольников, Иван Карамазов и др.). Тема права личности на подавление других людей станет одной из центральных в его дальнейшем творчестве.

Как видим, письма Ф.М. Достоевского к П.А. Карепину не предполагают духовной близости собеседников, содержат канцеляризм и элементы официально-делового стиля. Натянутые, резкие, потенциально конфликтные отношения с опекуном, не понимающим литературных мечтаний, еще более оттеняются на фоне близких, теплых, доверительных отношений со старшим братом. В письме к Михаилу от 30 сентября 1844 г. раскрывается новое амплуа Достоевского – трикстера, хитреца: он почти вдвое увеличивает сумму долга (сообщая опекуну, что долгов 1500 рублей, тогда как реально 800, зная привычку опекуна «присылать 1/3 чего просишь» (т. 28-1; с. 100), приближает дату выхода в отставку (1 октября 1844 г.) с целью скорейшего получения наследства). Из этого же письма выясняется подлинное отношение к мужу сестры, которого Достоевский называет «свиньей», обвиняет в глупости, самолюбии и резонерстве. В то же время он рассматривает проблему с нравственно-психологической точки зрения, полагая, что вся трудность разрешения ситуации в «недоверии» к нему зятя, в невозможности почтительных и равноправных отношений, и вновь просит брата о поручительстве.

Вслед за этим Михаил, со своей стороны, пишет Карепину дважды, отстаивая право брата «предаться литературе», выступая адвокатом нарушителя этикета и автора дерзких писем: «он

пожертвовал всем своему таланту», «человек с его дарованиями без хлеба не останется. Он избрал для себя новую, лучшую дорогу» (цит. по: т. 28-1, с. 424). Стремясь аргументировать свою позицию, М.М. Достоевский прибегает как к доводам нравственного характера, так и к соображениям финансовой выгоды сделки: «Даже совестно покупать у него за эту цену: просит он одновременно 500 рублей серебром и потом по 10 рублей серебром в месяц. Но вы ему и без того в год перешлете эти 500 рублей, стало быть, почти он продает капитал за годовой доход» (т. 28-1; с. 420). Кроме того, он подчеркивает юридическую безопасность этого шага: «Брат так честен, что ему можно и без расписки дать эти деньги. Я за него, если хотите, в качестве второго опекуна, – ручаюсь», «Брат Федор Вам готов дать Акт, свидетельство или подписку – все, что угодно, что он торжественно отказывается от своей части; я же, со своей стороны, какое угодно Вам поручительство...» (цит. по: т. 28-1; с. 420, 423). Таким образом, именно Михаилу принадлежала идея семейного раздела и ее блестящее осуществление. Он смог убедить управляющего имением в разумности и выгоде предложения для семьи. Сумев разрешить дело не в судебном, а только частном порядке и, в отличие от брата, сохранить с зятем добрые отношения, Михаил сыграл в этой ситуации роль мирового судьи – идеального члена неюридического общества, которое позднее будет моделировать Достоевский в своем творчестве и стремиться осуществить в жизни.

После дипломатического вмешательства брата Достоевский пишет финальное письмо от 20 октября 1844 г. с предложением *семейного раздела*, повторяя и уточняя аргументы. Как гарантию соблюдения соглашения с его стороны, «для уничтожения подозрений» он называет заемное письмо или расписку, обязательство в получении денег или вексель, т.е. документальное подтверждение законного раздела имения. Также он прибегает к доводам нравственно-психологического плана: «еще раз убедительно прошу Вас, Петр Андреевич, рассмотреть мое предложение и согласиться на него» (т. 28-1; с. 103), «нижайше прошу Вас помочь мне», «какое благодетельное дело для всей судьбы моей» (т. 28-1; с. 103), «если Вы еще оставите меня хоть сколько-нибудь времени без ответа и без помощи, то я погиб» (т. 28-1; с. 103), «еще раз прошу Вас, Петр Андреевич, ради Бога, отвечайте мне поскорее» (т. 28-1; с. 104), взывая к состраданию и милосердию. Наконец, верно угадав характер адресата, Достоевский использует указание на материальную выгоду

сделки: «Вы человек деловой <...> займите», «дело полезное для всего семейства, а Вы обеспечены достаточно» (т. 28-1; с. 103).

В итоге Карепин удовлетворил просьбу, т.е. Достоевский при помощи брата сумел осуществить свой «проект» не в юридическом, а только в частном порядке.

Укажем, что настойчивое стремление разрешить «дело» имело для автора не столько материальный, сколько мировоззренческий и нравственный смысл. Как указывает Н.Ф. Бельчиков, настойчивое желание Достоевский избавиться от «наследства» было не только материальной сделкой. Писатель «порывает с крепостным владением в силу убеждения в неправоте этого института» [Бельчиков, 1971, с. 58]. Крепостное право противоречило нормам естественного права, и будущий автор «Бедных людей» не хотел оставаться помещиком – владеть своими «ближними». И.Л. Волгин называет еще одну – психологическую – причину «почтовой дуэли»: «для одного из корреспондентов важен не столько практический результат, сколько нравственная победа» [Волгин, электронный ресурс, <http://magazines.russ.ru/october/2006/11/vo3.html>]. На наш взгляд, существовала еще и третья причина, которую Ф.М. Достоевский стремился от опекуна утаить, говоря о своем новом поприще отбегаемо, с помощью перифраз: нужны «средства для новой дороги», «изучать жизнь и людей – моя первая цель и забава» (т. 28-1; с. 97).

По-видимому, особенности нервной системы и психологического склада Достоевского не позволяли ему продуктивно работать в «теплых» и «сытых» условиях. Он бессознательно стремился довести себя до последней черты («без гроша») и оказаться в безвыходной ситуации, чтобы усилить мотивацию творчества. Именно поэтому ему нужно было одновременно выйти в отставку и перестать быть помещиком. В ноябре 1844 г. брату Михаилу он признается: «Я даже считаю благородным этот риск, этот неблагоразумный риск перемены состояния, риск целой жизни – на шаткую надежду» (т. 28-1, с. 104), «я пойду по трудной дороге!» (28-1; 104). Деньги от имени Ф.М. Достоевскому были необходимы не только на уплату долгов, которые он преувеличивал в 2 раза, но прежде всего, на его литературные проекты. В письмах брату Михаилу творческие планы быстро сменяют друг друга: перевод романа О. Бальзака «Евгения Гранде», «Матильда» Э. Сю, «Дон Карлос» Ф. Шиллера, самостоятельная публикация первого романа и др. Но такие личностные качества, как неосновательность, нерасчетливость в делах и расточительность, свойственные характеру молодого писателя и

верно подмеченные опекуном, не позволят этим планам материализоваться. Так, даже получив компенсацию за отказ от доли имени в ноябре 1844 г, уже через полгода, в письме от 24 марта 1844 г. Ф.М. Достоевский отчитывается брату Михаилу: «Я получил от москвичей 500 рублей сереб<ром>. Но у меня было столько долгов, старых и вновь накопившихся, что на печать не достало» (т. 28-1, с. 106).

Личная ситуация писателя, когда «нет ни платья, ни денег, нет ничего заплатить кредиторам» (т. 28-1; с. 101) вскоре обретет вторую, художественную, реальность, повторится в бедственном положении его петербургских героев: Девушкин, Иван Петрович, Ихменевы, Смиты, Раскольников, Мармеладовы и т.д.

Таким образом, кажущееся на первый взгляд незначительным эпистолярное дело с П.А. Карепиным является важной правовой биографемой – источником правового дискурса писателя. В процессе переписки у Достоевского формируется новая концепция собственной личности, с необходимостью ее выражения при помощи письма; в широком смысле эта жизненная ситуация – утверждение своего права быть писателем. Личностная позиция становится авторской. Этот прагматический эпизод превратился в своего рода творческую лабораторию автора, стал выражением художественной направленности эпистолярия.

Переписка с мужем сестры была «психологическим тренингом» и позволила Достоевскому понять следующие моменты во взаимоотношениях людей. Во-первых, очень трудно изменить сложившееся мнение о человеке. Так, в глазах пожилого и рассудительного Карепина молодой Федор Достоевский – юноша, не желающий служить и расточающий отцовское добро, а для Достоевского опекун – пожилой чинолюбивый и корыстный человек, презирующий искусство. Во-вторых, начинающему писателю открылись принципы суда людей: другого человека мы всегда априори судим по себе, не позволяя ему быть Другим. В этом основная причина межличностных конфликтов. В кризисной ситуации общения мы всегда оправдываем себя и обвиняем партнера по коммуникации. В-третьих, сложность, почти невозможность психологического равноправия людей при их имущественном неравенстве.

Поведенческие и творческие виды правовой рефлексии Ф.М. Достоевского тесно взаимосвязаны. В письмах Достоевского Карепин получает литературную «генеалогию», опосредованно сравнивается со скупым отцом Горио Бальзака, а также с Фамусовым, Чичиковым,

Фальстафом (т. 28-1; с. 422) и даже становится героем пародии – нецензурного двустушья в письме к старшему брату от 30 сентября 1844 г.

Кроме того, переписка с мужем сестры Варвары и управляющим имением по времени совпала с работой над первым романом «Бедные люди». Значимо, что в процессе работы над текстом, Достоевский сделал П.А. Карепина прототипом господина Быкова – пожилого человека при деньгах, заключающего неравный брак с сиротой Варенькой, «отомстив» опекуну за долгую отсрочку выплаты денег, необходимых для литературного труда.

Переживания Достоевского по поводу разрешения дела с Карепиным, породившее идею неюридического поведения в правовой ситуации, вариативно преломятся и в других ранних произведениях начинающего автора. В романе «Бедные люди» судебная история чиновника Горшкова переводится автором из правовой сферы в межличностный план. В ключевой для понимания «маленького человека» сцене одолжения денег спасение целой семьи от голода зависит уже не от юстиции, а от сердца бедного чиновника Макара Алексеевича и от его суда «по совести»¹. В рассказе «Честный вор» и повести «Неточка Незванова» правонарушения (кража вещи и ложный донос, наушничество) разрешаются без суда мирным путем, когда наедине остаются преступник и пострадавший.

Г.О. Винокур называл *внутренней формой биографии* переживание, которое объективируется, находит выражение как в художественном тексте, так и в поступке, а личность творца, его жизненный стиль находят отражение не только в поступках, но и в структуре его произведения [Винокур, 1997, с. 45, 52]. На примере эпистолярного дела с П.А. Карепиным о наследстве мы рассмотрели биографему, обладающую повышенным семиотическим потенциалом и служащую парадигмой личностного развития писателя и моделью поведения его героев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатова, Т. А. Авторский житнетекст в изданиях Н. М. Карамзина (К постановке проблемы) / Т.А. Алпатова // Антропология литературы: методологические аспекты проблемы. Сб. науч. ст. В. 3 ч.

¹ См. подробнее: [Сафронова, 2013б, с. 28-29].

Ч. 2. / Гродно ГрГУ им. Я. Купалы; редкол. Т.Е. Автухович (гл. ред.). – Гродно, 2013. – С. 7-14.

Бельчиков, Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев / Н. Ф. Бельчиков. – Москва: Наука, 1971. – 294 с.

Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – Москва: Гослитиздат, 1959. – 656 с.

Винокур, Г.О. Биография и культура. Русское сценическое произношение / Г.О. Винокур. – Москва: Русские словари, 1997. – 176 с.

Волгин, И. Л. Сага о Достоевских / И. Л. Волгин. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2006/11/vo3.html>. (16.09.2016).

Габдуллина, В. И. Блудный сын как модель поведения: евангельский мотив в тексте биографии и творчества Ф. М. Достоевского / В. И. Габдуллина // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – № 6 (49). – Томск, 2005. – С. 16-21.

Габдуллина, В. И. «Блудные дети, двести лет не бывшие дома»: евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского / В. И. Габдуллина. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008. – 303 с.

Достоевский, А. М. Воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. С. В. Белова / А. М. Достоевский. – Санкт-Петербург: Андреев и сыновья, 1992. – 697 с.

Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Ленинград: Наука, 1972-1990.

Лихачев, Д. С. В поисках выражения реального / Д. С. Лихачев // Достоевский: Материалы и исследования. – Ленинград, 1974. Т. 1. – С. 5-13.

Лотман, Ю. М. Поэтика бытового поведения / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. История и типология культуры. – Санкт-Петербург: Искусство, 2002. – С. 233-255.

Марданов, А. А. Автор и его присутствие в произведении: биография // Антропология литературы: методологические аспекты проблемы. Сб. науч. ст. В. 3 ч. Ч. 2. / Гродно ГрГУ им. Я. Купалы; редкол. Т. Е. Автухович (гл. ред.). – Гродно, 2013. – С. 3-14.

Подъяпольский, А. С. Из истории Дарового / А. С. Подъяпольский. – [Электронный ресурс]. – URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/podyapol_iz_istorii.pdf. (16.09.2016).

Ролан Барт о Ролане Барте. Составление, пер. с франц. и послесловие Сергея Зенкина. – Москва: Ad Marginem / Сталкер, 2002. – 288 с.

Сафронова, Е. Ю. а) Философия поступка: недонесение о преступлении в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского / Е. Ю. Сафронова // Антропология литературы: методологические аспекты проблемы. Сб. науч. ст. В 3 ч. Ч. 2. / Гродно ГрГУ им. Я. Купалы; редкол. Т. Е. Автухович (гл. ред.). – Гродно, 2013. – С. 29-37.

Сафронова, Е. Ю. б) Дискурс права в творчестве Ф. М. Достоевского 1846-1862 гг.: Монография / Е. Ю. Сафронова. – Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2013. – 182 с.

Созина, Е.К. Сознание и письмо в русской литературе. – Екатеринбург. Изд-во Уральского университета, 2001. – 552 с.

Усадьба Ф. М. Достоевского в Д. Даровое. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.md.spb.ru/dostoevsky/other_museums/Darovoe/?more. (16.09.2016).

Хализев, В. Е. Теория литературы. – 3 изд. Испр. и доп. / В. Е. Хализев. – Москва: Высшая школа, 2002. – 438 с.

Эпштейн, М. Парадоксы новизны: о литературном развитии 19-20 вв. / М. Эпштейн. – Москва: Советский писатель, 1989. – 416 с.